

Михаил Ромм

Заветное желание

Михаил Наумович Ромм

Заветное желание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3363855

*Заветное желание. Стихи разных лет (1980–2003).: Издательское
содружество А. Богатых и Э.РАкитской; Москва, Тель-Авив; 2004
ISBN 5-93721-301-7*

Аннотация

Михаил Наумович Ромм — российский литературно-общественный деятель, заявивший о себе в конце 1980-х — начале 1990-х годов, поэт, издатель, критик, книжный график, дизайнер.

«Заветное желание» – первая книга стихотворений автора.

Содержание

Предисловие	4
Стихотворения	10
«Бледно-зеленое горе, как руки русалок...»	10
«Поутру прекратятся дожди...»	12
«Кто-то сыплет снег из высоты ...»	13
Ничего не случится	14
Сонет. (Рассвет)	15
Душа	16
«Внезапно по небу чиркну́ла дрожь...»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Ромм

Заветное желание

Стихи

Посвящается моему учителю Давыдой О.Н.

Предисловие

Что было в начале? В начале, естественно, были стихи, которые Михаил Ромм писал, как и все поэты, с ранней юности. Потом была своя компания, компания пишущих молодых людей, и был самиздат, и были свои журналы. Компания называлась клуб «Корабль», журналы – «Корабль» и «Морская черепаха». А после самиздата был Всесоюзный Гуманитарный фонд и газета фонда, и Ромм был председателем правления и главным редактором, что звучит солидно и бюрократически занудно, но в реальности было весело. Веселились в вагонах электрички, устраивая первые ерофеевские чтения, веселились в Смоленске на фестивале современного искусства, веселились в редакционном подвале. (В свободное время, конечно, веселились, во время, свободное от издания газеты, издания книг, организации выставок и концертов.) И Михаил Ромм, будучи председателем и редактором,

продолжал писать стихи, но почти не публиковался. Потом Гуманитарный фонд развалился, потом перестала выходить газета. А Ромм продолжал писать стихи, потому что не мог не писать. Это тот самый случай. В 1998 г. поэт и издатель Эвелина Ракитская составила его книгу. Книга, в силу объективных, субъективных и прочих причин, не вышла, но вот ***предисловие написанное Ракитской:***

«Дорогой читатель!

Вы держите в руках книгу стихотворений Михаила Наумовича Ромма, который имеет весьма отдаленное отношение к знаменитому режиссеру.

Дальше для простоты я буду называть автора просто Мишей.

Поэтическая судьба Миши Ромма складывалась до сих пор странно и грустно, хотя все еще поправимо (во всяком случае, по официальным меркам Союза писателей он почти ребенок – родился в 1961 году...)

Те, кто знаком с литературным движением начала 90-х, помнят Гуманитарный фонд им. Пушкина, Газету «Гуманитарный фонд» и ее главного редактора – Мишу Ромма. В воспоминаниях наивных современников (ибо все это – уже история) Миша может остаться кем угодно: введливым чиновником и начальником; добрым и смешным редактором, печатавшим всех подряд и верившим в какой-то «плюрализм» в искусстве; «хитрым», на манер героев Шолом-Алейхема, бизнесменом, закончившим свою деловую ка-

рьеру так же, как они... А хотелось бы, чтоб Ромма запомнили и в главном его качестве – в качестве поэта.

«Несмеиная это повесть,» – так характеризует свою творческую судьбу сам автор. К сожалению, мы (те, кто проработал рядом с Мишей несколько лет) мало интересовались его стихами, доверяя известному мифу: мол, тот, кто хорошо пишет, не станет заниматься общественной деятельностью и тратить время на убыточную газету, где иногда, среди прочего, поместит и свои три-четыре стишка...

А между тем объясняется всё очень просто – характером. Те, кто хорошо знаком с Мишей, знают, что он скромен и застенчив, а если и нападает на кого-то – так исключительно от страха (см. «Заветное желание»). С такими качествами в литературе «пробиться» трудно. Особенно же это было трудно в среде так называемого «параллельного» искусства (или искусства «андеграунда»), которое, стремительно вырвавшись из подвалов на свет божий в конце 80-х-начале 90-х, поразило мир не только своими несомненными достижениями, но и таким удивительным самодовольством, наглостью и напором, что и Пушкин, наверное, не устоял бы и захотел бы сжечь все свои стихи (за то, что в них всё же маловато постмодернизма).

Миша Ромм – настоящий идеалист, то есть человек идеи. Он любил и любит всех поэтов (жаль, что меньше всех – себя). С тех пор, как закрылось его создание – Гуманитар-

ный фонд – он ходит на какую-то службу и тоскует... Признаться, я думала, что в последние годы Миша стихов не писал. Оказалось – потихонечку пишет... «Почему же ты не дал их для книги?» – удивилась я.

Автор, верный своим оригинальным жизненным принципам, ответил: «Если я издам все лучшее сразу, то что же останется на потом?»...

Мне это предисловие не нравится, но Ромму почему-то оно близко... На основе отобранных Эвелиной Ракитской текстов я составил небольшую подборку стихов Ромма и поместил на сайте Крымского клуба (www.liter.net). К подборке мною было написано крошечное вступление (которое, полагаю, вряд ли понравится Ракитской)¹:

Рассказывают, что когда-то, в первой половине 90-х Миша Ромм пришел в журнал «Новый мир» и принес свои стихи. зав. отделом поэзии Олег Чухонцев долго их читал, перелистывал, просматривал и затем спросил недоуменно: «Может быть, Вам стоит попробовать писать для детей?» – Лучшего предисловия не придумаешь. – Стихи Михаила Ромма это стихи взрослого мужчины, навсегда сохранившего в себе остатки, осколки сознания ребенка. Он никогда не играл в детство, в странность, в примитив – он такой и есть,

---

¹ Ну и зря, дорогой Андрей, – мне твое вступление и предисловие очень нравятся. (Прим. Э. Ракитской)

нелепый человек, мечтающий стать трехголовым. И страхи, и ужасы у него не страшные – с ними легко справиться, проснувшись утром и почистив зубы.

Жизнь трагична, но всегда остается возможность увидеть хороший сон о счастье.

Постепенно детская наивность естественным образом сменилась ностальгией по детству. А стихи остались в каком-то высшем смысле безыскусными – при вполне основательной классической выучке.

Сейчас, имея перед глазами более представительный корпус текстов, я вижу, как менялась поэзия Михаила Ромма. Ранние стихи его отмечены не только поэтической юношеской тоской («И никто Не ответит: зачем эти мысли о жизни, о хлебе? И зачем я родился, и погибну – за что?..») – они красочны, разноцветны, в них есть яркие визуальные образы:

И я слежу, как темнота редееет.
Вот солнце взгромоздилось на предел
Багровых крыш, застывших пламенея.
Дом на мгновенье словно потемнел,
Вдруг вспыхнул окнами, как флагами на реях...

Что не случайно: Ромм занимался живописью, закончил художественно-графический факультет пединститута. К концу 80-х в его стихах усиливаются иронические интона-

ции, усиливается то, что я назвал «сознанием ребенка»; взрослея, поэт избавляется от расплывчатой элегичности, его стихи становятся более конкретны, они сильнее впаяны в мясо жизни. Но сейчас Михаил Ромм пишет другие тексты. Он по-прежнему ироничен, по-прежнему любит сонеты, но нарастает чувство разочарования, ощущение прожитой, ускользнувшей жизни, и можно было бы сказать, что это – главная тема сегодняшних стихов Ромма, если бы он не знал о своей конечной правоте, о том, что у него на ладони лежит шарик мироздания, что он, поэт, живет в центре мира и беседует с Создателем (Богом, которого нет, как написал когда-то Михаил Ромм). И эта беседа, спокойная, неторопливая, иногда странная и нелепая, продолжается.

Андрей Урицкий

Стихотворения

«Бледно-зеленое горе, как руки русалок...»

Бледно-зеленое горе, как руки русалок,
Воздухом стало холодным и влажным.
С моим маленьким голубем белым, бумажным
Выхожу
И его отпускаю устало.

И смотрю, как он, с ветром сдружась,
Поднимается в серый простор,
И на миг ощущается связь,
И на миг прекращается спор.

Он белеет неслышно,
Пока дождь перестал на мгновенье,
И торжественно скорбен его неумелый полет.
Как ему одиноко! Вот и замерло дуновенье.
В тёмное-тёмное зеркальце лужи
Медленно он упадет.
Под ноги дворнику.
Крыши в ясном небе,

Как могильные плиты бордовые... И никто
Не ответит: зачем эти мысли о жизни, о хлебе?
И зачем я родился, и погибну – за что?..

1980

«Путру прекратятся дожди...»

Путру прекратятся дожди,
В мироздание опять перемена.
И опять у меня впереди
Полутайные мысли катрена.

А сегодня нарциссы цветут,
Одиноко на клумбах белея,
А сегодня последний маршрут
Совершает привычный троллейбус.

А сегодня мне не о чем петь,
Кроме счастья моей неудачи,
Да еще про дождливую сеть
И про то, что не будет иначе.

Я стою под холодным дождём,
Всё во мне как-то странно смешалось:
Одиночество, грусть о родном,
И любовь, и покой, и усталость.

«Кто-то сыплет снег из высоты ...»

Кто-то сыплет снег из высоты
И лица не открывает нам.
Мир от изумления застыл,
Простирая руки к небесам.

И никто сомненья не решит,
И открыт мучительный вопрос:
Почему свод неба так звенит
И душа так жадно просит слез?

1981

Ничего не случится

Утром опадают мокрые желтые листья.
Так было вчера.
Мне страшно...
На странице разорванной: «А.Кристи
Пишет роман...»
Это в башне
Одиночества каждый,
Каждый томится,
Живёт, не решаясь в тайне открыться —
Вдруг скрывать ему нечего?!
И ничего не случится
Этим вечером.

17.09.82

Сонет. (Рассвет)

Открыл глаза и увидал рассвет.
По комнате прогуливался ветер.
Мне радостно на этом чудном свете,
Но радости мучительнее нет.

Еще вопрос, еще ночной ответ
Во мне звучат, но тают звуки эти.
Я радуюсь, как радуются дети,
Что я проснулся и еще раздет.

И я слежу, как темнота редет.
Вот солнце взгромоздилось на предел
Багровых крыш, застывших пламенея.

Дом на мгновенье словно потемнел,
Вдруг вспыхнул окнами, как флагами на реях...
А я-то просыпаться не хотел!

Душа

Парить на высоте и видеть с высоты
Высотные дома конструкций незнакомых,
Развалы площадей и улицы хвосты,
Когда летишь по воздуху пустому.

Не то чтобы паришь, но под тобой просторы
Качаются, плывут, склоняются к тебе,
И, наклонив плечо, ты падаешь с опоры,
И выстроив спираль, спускаешься к ходьбе.

Спускаешься назад и учишься ходить
По согнутым путям, ненужным тротуарам
В искусственном лесу, где нечего разбить
И некого убить одним ударом.

Присядешь на скамью в разрушенном дворе
И вспомнишь, как смотрел на эти окна ты,
Когда еще не мог ты все это стереть,
Парить на высоте и видеть с высоты.

«Внезапно по небу чиркну́ла дрожь...»

Внезапно по небу чиркну́ла дрожь,
Сверкнула молнией и взорвалась.
И рухнул нервный холодный дождь,
Слепя асфальт и злясь.

И нет защиты от тьмы сырой,
Внезапной ночи, тревог и бед.
Стучится ветка худой рукой
В окно, где больше не дышит свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.